

7. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М., 2001.
8. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. М., 1987.
9. Поспелов Г. Н. Что же такое романтизм? Проблемы романтизма. М., 1967.
10. Тимофеев Л. И. Основы теории литературы. М., 1971.
11. Цыплаков А., Цыплакова Л. Кукиш в монете // Литературная газета. 2015. 19–25 ноября.

В. Г. Бенедиктов – романтик в литературном процессе 1830-х годов

В истории русской литературы В. Г. Бенедиктов примечателен своей необычной литературной судьбой. Творчество поэта явилось яркой иллюстрацией многих историко-литературных процессов и, вместе с тем, образцом функционирования отдельной поэтической индивидуальности в условиях тенденциозной литературно-критической оценки. Вызвав сравнимую только с пушкинской популярность, ожесточенную полемику и неприятие со стороны В. Г. Белинского и затем почти полное забвение, поэзия В. Г. Бенедиктова на долгое время выпала из поля зрения читателей и литературоведов.

Для исследователя литературы закономерен и необходим интерес к творчеству не только крупных художников, но и второстепенных писателей.

Критерием определения того или иного художественного объекта как «великого» или «второстепенного» служит не только положительная и отрицательная историко-литературная оценка, а, по словам Ю. Н. Тынянова, «ощущение живости того или иного явления, эволюционной его значительности» [14. С. 397].

Для современников творчество второстепенных писателей представляет собой эстетический фон, своего рода питательную среду, где формируются новые литературные явления. В ретроспективе же их изучение позволяет реконструировать литературную действительность прошедших эпох, устанавливая взаимосвязи, представляя историко-литературный процесс во всей полноте и без искажений.

Индивидуальная литературная оценка по своей сути предполагает субъективизм восприятия, тем не менее, безусловно, являясь при этом фактом научного знания. Тенденциозность же в оценке научных явлений, как правило, не случайна, а базируется на проявлении определенных закономерностей развития литературы. Это отчетливо видно на примере творчества поэта с такой необычной литературной судьбой, как В. Г. Бенедиктов.

Поэзия Бенедиктова стала своего рода индикатором эстетических позиций в литературной борьбе 30-х годов XIX века. По мнению Л. Я. Гинзбург, «в известной своей части, история русского романтизма не может быть понята до конца без Бенедиктова» [З. С. 103].

Между тем в истории русской поэзии XIX столетия нет, кажется, фигуры более одиозной, чем В. Г. Бенедиктов. Еще при его жизни и по сей день личность его рассматривалась в литературоведении как образец скандальной поэтической репутации, незаслуженного громкого успеха и столь же шумного падения и забвения. Имя Бенедиктова стало нарицательным для обозначения дурного вкуса, пошлости, подражательности и вульгарного тона в литературе в духе ложноклассического романтизма 30-х годов XIX века.

В «Литературной энциклопедии» в статье о В. Г. Бенедиктове мы читаем: «Поэзия Бенедиктова, возникшая в 30-е годы XIX века на почве политической реакции, отличалась вычурностью и ложным пафосом, эпигонским использованием наиболее ходовых тем и образов романтической поэзии» [8. С. 544]. Приходится констатировать, что именно в таком качестве имя Бенедиктова присутствует в учебниках литературы, в работах большей части критиков и даже в художественных произведениях. Между тем такое литературное явление, как Бенедиктов, на наш взгляд, гораздо сложнее.

Литературная судьба Бенедиктова – факт теоретически интересный, не только во многом сконцентрировавший в себе противоречивость литературного процесса 30–70-х годов XIX века, но и дающий материал для изучения феномена читательского восприятия.

Определить в поэтическом наследии Бенедиктова признаки, детерминированные эстетическим климатом 1830-х годов, с одной стороны, и развитием индивидуальности поэта – с другой, представляет для нас несомненный научный интерес.

Все это может быть понято только на фоне рассмотрения основных событий литературной борьбы эпохи.

Обращаясь к литературной ситуации первой трети XIX века, необходимо отметить, что изменения, происходящие в этот период в русской поэзии, носили не локальный, а общий характер. В позднейшем ходе литературного (и прежде всего – поэтического) развития их эволюционное значение чрезвычайно велико.

Своеобразие литературного развития 20–30-х годах XIX века заключается в том, что это было время литературного «брожения», «эпоха смуты» в романтизме (термин Л. Я. Гинзбург, К. Шимкевича) [4. С. 104].

Переходный характер эпохи породил ощущение необходимости определения какого-то рубежа, что и было предпринято В. Г. Белинским в 1834 году, когда он возвестил об окончании «пушкинского периода русской словесности» [2. С. 90]. Окончание «пушкинского периода» в литературе для В. Г. Белинского знаменует собой, по его мнению, завершение поэтической деятельности А. С. Пушкина. Понятие «пушкинский период» используется им как теоретическое обозначение поэтической системы (как совокупности некоторых стилевых, жанровых, тематических признаков), главным выразителем которой являлся А. С. Пушкин.

Эту систему, господствующую в русской поэзии 1820-х годов, А. С. Пушкин сам обозначил как «школу гармонической точности». Она базировалась на литературных принципах карамзинизма, адаптированных к поэтической действительности 20-х годов, имела своих корифеев в лице В. А. Жуковского и К. Н. Батюшкова, включала в себя творчество самого А. С. Пушкина и его поэтических соратников в 20-е годы, прежде всего, Е. А. Баратынского. К лирическому жанру предъявлялись требования ясности, точности и скупости в выборе изобразительных средств, требованием хорошего вкуса являлись простота, лаконизм и отсутствие вычурности. Чистота лирических жанров в поэзии была канонизирована. Принципы «школы гармонической точности» заложены в самом определении Пушкина.

К середине 1830-х годов, вследствие целого ряда причин как эстетического, так и внеэстетического плана, многими стала осознаваться ограниченность хода литературного развития.

Реакцией на кризисные явления в поэзии стала дискуссия о новых лирических жанрах, известная как «борьба с элегией». Элегия как лирический жанр, сконцентрировавший в себе основные настроения романтической эпохи, стала препятствием на пути расширения поэтического диапазона.

Борьба с элегией велась по нескольким направлениям. Как факт литературной борьбы она отразилась в литературной полемике конца 20-х – начала 30-х годов XIX века (статьи В. К. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие»; О. Сомова «О романтической поэзии» и др.) [7. С. 308]. Дискредитация элегии проводилась посредством пародирования (например, в пародиях А. Е. Измайлова в журнале «Благонамеренный», Н. А. Полевого в «Московском телеграфе»), а также посредством эпигонского использования основных элегических мотивов поэтами Розеном, Бернетом, Щастным, Трилунным и др.

Высмеивались или механически воспроизводились тематические или стилевые признаки элегии, романтические мотивы в ней подвергались опошлению, а канонизация специфической поэтической лексики, например постоянного эпитета, становилась в эпигонской элегии набором «общих мест». Эти, по словам О. И. Сенковского, «готовые поэтические приборы» [13. С. 41] создавали ощущение кажущейся легкости воспроизведения пушкинской поэзии. Напевность, мелодичность в поэзии вышли из моды, воспринимались как гладкопись. В прессе появились открытые выпады против А. С. Пушкина, отрицалась высокая взыскательность поэта по отношению к своему творчеству, уникальная органичность его поэзии.

Литературная ответственность за несовершенство поэтического развития возлагалась на А. С. Пушкина как виднейшего представителя этого направления и его соратников. Принимая активное участие в литературной борьбе, А. С. Пушкин в статье «Стихотворения Евгения Баратынского» прямо привязывает лирический жанр к определенному литературному направлению: «Ныне вошло в моду порицать элегии, как в старину старались осмеять оды» [11. С. 70]. Пушкин возражает против огульного отрицания элегии: «Но если вялые подражатели Ломоносова и Баратынского равно несносны, то из этого еще не следует, что род лирический и элегический должны быть исключены из разрядных книг поэтической олигархии» [11. С. 70].

А. С. Пушкин чутко уловил неудовлетворенность элегической поэзией и в 1830-е годы находит пути ее преодоления, однако современники практически прошли мимо поэтических находок Пушкина по преодолению односторонности элегической формы и его реалистических находок (реформы в области поэтического языка, жанровых и стилевых новаций).

Таким образом, произошла своеобразная абберрация: более зрелый Пушкин 1830-х годов воспринимался как элегический Пушкин 1820-х годов, и ему предъявлялись обвинения в «бессодержательности». Об этом свидетельствует и высказывание Н. А. Полевого, который отмечал: «Та самая услуга, которую оказал Пушкин нашей поэзии, причинила ей большой вред... Мы окружены гладкими поэтами» [10. С. 201].

Отсутствие глубокого содержания, «мысли» в стихе прямо связывалось с «гладкостью» поэтического языка: «...Подбор чистых, остриженных слов и довольно звучных рифм, – писал Н. А. Полевой, – никто уже не называет поэзией... Что толку в легкости? Читаешь, не спотыкаясь, и ничего не вычитаешь» [10. С. 203].

Л. Г. Фризман в статье «Эволюция русской романтической элегии» справедливо указывает на то, что критики элегии ищут в ней мотивированности элегических чувств и размышлений и не находят ее [15. С. 337].

Требование «мысли», «идеи» в поэзии мы находим в этот период у приверженцев самых разных литературных школ. Известный критик тогдашней эпохи С. П. Шевырев справедливо подчеркивал: «Для форм мы уже много сделали, для мысли еще мало, почти ничего» [16. С. 442].

Русский элегический стих начала века традиционно опирался на французскую реалистическую поэтику второй половины XVIII века, что одновременно соответствовало дворянской общественной традиции воспитания и образования. В 30-е годы XIX века, в эпоху перелома общественного сознания, происходит переориентация иностранных влияний – не всегда без сопротивления. «Галломания или французмания», по выражению Вяземского, уступает место немецкой идеалистической философии (шеллингианству) и классическим образцам немецкой поэзии (Шиллеру). Характерно, что А. С. Пушкин в рецензии на альманах «Денница» приводит слова И. В. Киреевского «о двух родах литераторов: одни следуют направлению французскому, другие – немецкому. Что встречаем мы в сочинениях первых? Мыслей мы не встречаем у них...» [11. С. 112].

Хотя и французская, и немецкая традиции имели в России глубокие исторически сформированные корни, в 30-е годы XIX века первенство одерживает немецкое влияние. Это обусловлено тем,

что русская поэзия начала века во многом опиралась на французскую «легкую» поэзию, в то время как теоретической основой зрелого европейского романтизма 30-х годов являлась немецкая идеалистическая философия Шеллинга и Фихте.

Литературная ситуация 1830-х годов менялась не только под воздействием эстетических и идеологических факторов. Наряду с этим в русской поэзии нашли отражение социальные процессы, происходившие в русском обществе после 1825 года. Начало капитализации стало началом и кризиса замкнутой дворянской культуры. Как отмечается в «Истории русской поэзии», «этот процесс был двусторонним, и его диалектический характер ощущали наиболее дальновидные его участники» (к числу их принадлежал и Пушкин) [6. С. 364].

На смену «пушкинскому» приходит, по меткому определению В. Г. Белинского, «смирдинский» этап развития литературы (по имени коммерческого издателя А. Ф. Смирдина). Как утверждает В. Г. Белинский, заслугой А. С. Пушкина было создание массового русского читателя. Литература, бывшая до этого привилегией единственно аристократических кругов с их высоким уровнем европейской образованности, многовековой культурной традицией, стала достоянием многих. Развивающиеся буржуазные отношения вели к коммерциализации литературы. Комментируя начавшуюся и набирающую силу тенденцию, В. А. Жуковский в статье «О поэте и современном его значении» писал: «Теперь поэзия покинула свой идеальный мир... променяв таинственное святилище своего храма (к которому доступ бывал отворен одним только посвященным) на шумную торговую площадь» [5. С. 186]. Развиваются книгоиздательская и книготорговая деятельность, появляется литературный профессионализм, грамотность охватывает новые слои населения, – таким образом, происходит демократизация литературы. Демократизируется не только заказчик и потребитель литературной продукции (читатель), но и ее производитель (писатель). Появляется литературно неквалифицированный читатель. Выдающийся русский книговед Н. А. Рубакин в ставшем классическим исследовании о русской читающей публике определяет изменение контингента читателей как характерный для данного временного промежутка (30-е годы XIX века) процесс: «Читателей поставляют все слои населения, все профессии... Стали читать больше фабричные рабочие, ремесленники, крестьяне» [12. С. 78]. Расширение соци-

альной базы русского читателя, изменение ее состава повлекло за собой и перемену эстетической ориентации.

М. И. Аронсон в статье «Кружки и салоны» указывает на дифференциацию в 20–30-е годы XIX века писателей на «аристократов» и «купцов» [1. С. 69]. Подобного рода разделение проводилось не по родовому признаку, а по отношению к самому пониманию литературы. «Литературные торгаши» – этот термин мелькает в письмах Пушкина, Вяземского, Дельвига, пронизывает литературно-критические материалы тех лет.

«Торговое направление» – это создатели массовой культуры 30-х годов XIX века, выполняющие своего рода «социальный заказ» широкого круга малоподготовленных читателей. Представители этого направления появляются, как правило, из этой же социальной среды. Именно в этот период возникает понятие «литературной богемы», которая, по определению М. И. Аронсон, зародилась в лоне торгового направления.

Вперед выходили новые типы читателя и писателя, которым хотелось сохранить прежние эстетические идеалы, но которые вольно или невольно деформировали их соответственно своему культурному и социальному уровню.

В такой ситуации романтизм имеет своих вульгаризаторов. Это так называемый «низовой петербургский романтизм», по определению Л. Я. Гинзбург, «ложновеличаявая школа», «напыщенно-риторический стиль», по определению многих других исследователей [3. С. 10].

История литературы свидетельствует, что каждое литературное течение и направление, угасая, вырождается, дает своих эпигонов. «Низовой» романтизм 30-х годов – арена «торгового» направления в литературе, где коммерческий интерес тесно сплавлен с официальной государственной идеологией, это направление, эклектичное по своей эстетике.

Яркими представителями этого течения были Н. В. Кукольник и В. Г. Бенедиктов. Таким образом, в 30-е годы XIX века русский романтизм, уже прошедший апогей развития, не прекратил своего существования, но утратил плодотворность и медленно угасал. Он перестал быть однородным и потерял чистоту метода: выделился романтизм академических кругов, как «философское» направление в поэзии, развившееся на почве изучения немецкой идеалистической философии (главным образом, шеллингизм), в основе ко-

торого лежала идея «поэзии мысли». Идеологию этой поэзии выразил в своих трудах С. П. Шевырев. Другое направление романтизма – романтизм «низовой», вульгаризаторский, представленный в 1830-е годы творчеством многочисленных поэтов-эпигонов.

Как мы можем заметить, художественные и социальные явления 20–30-х годов XIX века подготовили плацдарм для появления в эпоху переходного периода в литературе такого поэта, как В. Г. Бенедиктов. Он явился, по словам его современника, критика Я. Неверова, «в эпоху самую благоприятную, когда внимание публики совершенно свободно, не приковано ни к какой знаменитости...» [9. С. 192], и отразил в своём творчестве зыбкость граней между романтическими направлениями разного уровня.

Список литературы

1. Аронсон М. И., Рейсер С. А. Литературные кружки и салоны. Л.: Прибой, 1929. 310 с.
2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1. Статьи, рецензии, художественные произведения (1829–1835). М.: Изд-во АН СССР, 1953. 573 с.
3. Гинзбург Л. Я. О лирике. М.: Сов. писатель, 1974. 408 с.
4. Гинзбург Л. Я. Бенедиктов В. Г. // Бенедиктов В. Г. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1939. 335 с.
5. В. А. Жуковский-критик: статьи и письма. М.: Сов. Россия, 1985. 317 с.
6. История русской поэзии: в 2 т. Т. 1. Л.: Наука, 1968. 560 с.
7. Кюхельбекер В. К. Обзорение российской словесности 1824 г.: Литературные портфели: Время Пушкина. Пг., 1923. 74 с.
8. Литературная энциклопедия: в 6 т. Т. 1 / редкол.: И. М. Беспалов, П. И. Лебедев и др. М.: Изд-во Комкадемии, 1930. 768 с.
9. Неверов Я. Н. Стихотворения Вл. Бенедиктова // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1836. Ч. 2. С. 192–199.
10. Полевой Н. А. Очерки русской литературы. СПб.: Тип. Сахарова, 1839. 466 с.
11. Пушкин А. С. Мысли о литературе. М.: Современник, 1988. 640 с.
12. Рубакин Н. А. Избранное: в 2 т. Т. 1. М.: Книга, 1975. 221 с.
13. Сенковский О. И. О Бенедиктове // Библиотека для чтения. 1836. Т. XVII, ч. VI.
14. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.
15. Фризман Л. Г. Жизнь лирического жанра: Русская элегия от Сумарокова до Некрасова. М.: Наука, 1973. 167 с.
16. Шевырев С. П. Стихотворения В. Бенедиктова // Московский наблюдатель. 1835. Ч. 3. С. 439–459.